

Экономика дорогой неопределенности

Майский обзор Chief Economists» Outlook позволяет оценить текущее состояние мировой экономики и выявить внешние риски, которые уже в ближайшей перспективе будут влиять на инвестиционные решения, международную торговлю, доступ к технологиям, стоимость логистики, энергетики и продовольствия, а также на условия функционирования научных и образовательных организаций. Подготовленный Всемирным экономическим форумом на основе консультаций и опроса ведущих экономистов государственного и частного секторов, этот документ важен как инструмент ранней аналитической навигации в ситуации, когда геополитические события быстро трансформируются в макроэкономические ограничения и институциональные издержки.

Обзор Всемирного экономического форума производит редкое для жанра прогнозных обзоров впечатление: это уже не осторожная корректировка ожиданий, а почти протокол ухудшения глобальной экономической среды. В документе зафиксирован сдвиг от относительного оптимизма начала года к гораздо более жесткой оценке ближайших двенадцати месяцев, и этот сдвиг связан не только с ухудшением отдельных макроэкономических показателей, но и с изменением самой природы рисков. Если еще недавно мировая экономика

воспринималась как система, способная удерживать устойчивость несмотря на политические потрясения, то теперь она все отчетливее выглядит как система, в которой геополитический конфликт почти мгновенно превращается в инфляцию, логистические разрывы, инвестиционную нервозность и рост издержек.

По данным опроса, включенного в доклад, 89% главных экономистов ожидают ослабления глобального роста в ближайший год, причем 21% говорят о существенно более слабой динамике. Почти консенсусно звучит и инфляционный прогноз: 94% респондентов считают, что мировая инфляция в следующие двенадцать месяцев вырастет. В этой точке особенно важно не сводить выводы WEF к простой формуле «экономика замедляется». Доклад показывает, что замедление происходит не в результате нормальной фазы цикла, а под давлением конфликта, энергетического шока и фрагментации глобального пространства обмена. И речь не о стандартном охлаждении, а о переходе в режим дорогой неопределенности, когда слабый рост сочетается с растущими ценами, а горизонт принятия решений сокращается под воздействием внешних потрясений.

Ключевым событием, которое радикально изменило тональность прогноза, в докладе названа эскалация конфликта на Ближнем Востоке и закрытие Ормузского пролива. Для мировой экономики это означает не просто очередной политический кризис в стратегически важном регионе, а удар по одному из важнейших узлов глобальной торговли, через который до кризиса проходило около 10% мирового морского товарооборота. Именно поэтому последствия быстро вышли за пределы энергетического рынка в узком смысле слова. Нарушение поставок нефти, сжиженного природного газа и продукции, связанной с удобрениями, стало началом более широкого каскада, в котором сбой в одном узле порождает серию вторичных и третичных эффектов для производств, транспорта, продовольственного рынка и потребительских цен.

Особенность нынешнего момента в том, что экономика все еще сохраняет видимость движения вперед, но все меньше располагает запасом прочности. В докладе упоминается, что мировая торговля в 2025 году выросла на 7,5% и достигла 35 трлн долларов, а объем глобальных прямых иностранных инвестиций увеличился на 14%, до 1,6 трлн долларов. Однако эти цифры уже не выглядят гарантией устойчивости. Напротив, они все больше напоминают статистику последнего относительно благополучного этапа перед новым витком мировой турбулентности. Рост еще возможен, но его инерция уже не должна восприниматься как доказательство системной надежности.

Одна из сильных сторон доклада заключается в том, что он показывает, как именно распространяется экономический ущерб. В зоне наибольшего давления, по оценкам опрошенных экономистов, находятся энергетика и материалы, транспорт и цепочки поставок, туризм и оборонная промышленность. По мере развития кризиса на передний план выходит аграрный контур, потому что ограничение поставок компонентов для производства удобрений способно превратить сегодняшний энергетический шок в завтрашний продовольственный. И это делает ситуацию принципиально иной: инфляция здесь рождается не только из дорогого топлива, но и из перспективы более дорогого сельскохозяйственного производства, а значит, приобретает более длительный и структурный характер.

На региональном уровне картина становится все менее однородной. США и Индия в майском обзоре сохраняют сравнительно сильные позиции и воспринимаются как экономики, способные удерживать рост за счет внутреннего спроса, инвестиций и большей адаптивности. Китай в этом выпуске также выглядит увереннее, чем в начале года: 77% опрошенных ожидают там умеренного или более сильного роста, а приведенные в докладе данные указывают на рост экономики на 5% в первом квартале 2026 года в годовом выражении. Европа, напротив, оказывается в наиболее невыгодной комбинации факторов. Ее ростовые перспективы ухудшаются, энергетическая чувствительность остается высокой, а инфляция вновь становится ограничителем для экономической политики. Именно европейский случай сегодня ближе всего к тому, что экономическая теория называет стагфляционным риском: слабая динамика выпуска при возобновлении ценового давления.

Геоэкономика больше не может рассматриваться как внешняя рамка, в пределах которой бизнес и институты действуют по своим внутренним правилам. Она становится прямым механизмом перераспределения преимуществ и потерь. От того, где проходит маршрут поставок, какие рынки считаются надежными, какие юрисдикции сохраняют предсказуемое регулирование и какие регионы быстрее адаптируют производственные цепочки, теперь зависит не только рентабельность бизнеса, но и сама возможность долгосрочного планирования. В этом смысле мир движется не к исчезновению глобализации, а к ее более дорогой, нервной и политизированной версии.

Наиболее любопытно, что даже тема искусственного интеллекта, которая еще недавно подавалась как главный источник нового технологического оптимизма, в майском выпуске трактуется заметно осторожнее. Более 90% респондентов по-прежнему ожидают расширения внедрения ИИ в ближайшие двенадцать месяцев, однако ожидания относительно скорости и широты прироста производительности стали существенно сдержаннее. Быстрый эффект по-прежнему ожидается в информационных технологиях, цифровых коммуникациях, финансовых и профессиональных услугах, то есть там, где труд уже изначально организован в цифровой среде. Но в других секторах доклад фиксирует охлаждение надежд: значимые производственные эффекты, по мнению опрошенных, придут позже, чем ожидалось ранее. ИИ может усиливать производительность, но не способен отменить ограничения, возникающие из-за энергетического дефицита, дорогой логистики, нехватки инфраструктуры и общего роста глобальной нестабильности.

Мировая экономика не обрушивается одномоментно, но теряет прежнюю архитектуру предсказуемости. Инфляция возвращается не как следствие перегретого спроса, а как эффект конфликтов, разрывов поставок и ресурсных шоков. Торговля формально продолжает расти, но все сильнее зависит не от универсальных правил, а от способности отдельных стран, компаний и регионов оперативно перестраивать маршруты, цепочки и стратегию доступа к критическим ресурсам. Это означает, что устойчивость в ближайшие годы будет определяться не столько скоростью роста, сколько качеством адаптации к нестабильной среде.

Для научного и университетского сообщества в этом обзоре важен не только макроэкономический сюжет. Доклад фактически подводит к мысли, что в новой глобальной конфигурации доступ к знаниям, цифровым платформам, международным каналам

взаимодействия, вычислительным инструментам и технологической инфраструктуре становится частью экономической устойчивости. Наука в таких условиях перестает существовать в стороне от геэкономки. Напротив, она все глубже оказывается встроенной в систему ограничений, издержек и зависимостей, которые прежде казались сугубо внешними по отношению к академической среде. И если мировая экономика действительно входит в эпоху дорогой неопределенности, то наука и высшая школа входят в эпоху дорогого доступа, когда ценность исследовательской автономии все больше определяется не только интеллектуальным потенциалом, но и способностью сохранять каналы работы в нестабильном мире.

В этом смысле майский обзор WEF важен не как набор частных прогнозов, а как документ, фиксирующий смену режима. Глобальная экономика продолжает двигаться, но сама среда этого движения становится дороже, жестче и менее нейтральной. Именно поэтому нынешний момент требует не успокаивающих формул о гибкости мировой системы, а более строгого разговора о цене устойчивости, о стоимости доступа и о том, насколько быстро институты способны приспособиться к эпохе, в которой неопределенность перестала быть исключением и стала рабочей нормой.

Centre for the New Economy and Society
Chief Economists» Outlook INSIGHT REPORT MAY 2026